

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ КОРЕЙША В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Иван Яковлевич Корейша (1783–1861) – московский юродивый, хорошо известный своим современникам и попавший даже в некоторые художественные произведения Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого. В истории русской литературы, формирующейся художественными, мемуарными и критическими текстами, а также филологическими исследованиями, Корейша оказался весьма интересной фигурой. Иван Яковлевич Корейша был весьма хорошо известен не только в православной Москве, но и в Петербурге, так как ехали к нему за советами и молитвой со всех концов России. Часто среди его посетителей можно было обнаружить и представителей высшего света.

Л. Н. Толстому принадлежит приоритет в разработке литературного образа знаменитого юродивого. Литературный дебют Корейши в качестве персонажа художественного произведения состоялся в повести «Юность». Иван Яковлевич дважды эпизодически упоминается Толстым под своим собственным именем как привычная примета московского быта того времени. Первый раз в главе «Задуманный разговор с моим другом» разговор о юродивом с повествователем начинает Дмитрий Нехлюдов. Он влюблён в Любовь Сергеевну и рассказывает лирическому герою о том, как Любовь Сергеевна попросила Дмитрия, чтобы он поехал с ней к Ивану Яковлевичу. «Ты слышал, верно, про Ивана Яковлевича, который будто бы сумасшедший, а действительно – замечательный человек. Любовь Сергеевна чрезвычайно религиозна, надо тебе сказать, и понимает совершенно Ивана Яковлевича. Она часто ездит к нему, беседует с ним и даёт ему для бедных деньги, которые сама вырабатывает. Она удивительная женщина, ты увидишь».

Ну, я съездил с ней к Ивану Яковлевичу, и очень благодарен ей за то, что видел этого замечательного человека. А матушка никак не хочет понять этого, видит в этом суеверие». Второй раз имя юродивого также бегло всплывает в главе «Я ознакамливаюсь» в споре о суеверии.

В пьесах А. Н. Островского образ Ивана Яковлевича подан с налетом иронии, ибо иронично изображен автором духовный уровень тех персонажей пьесы, которые искренно верят в пророческий дар Ивана Яковлевича. Это уровень мешанско-бытового, «спящего» сознания. Так, в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты» богатая вдова Софья Игнатьевна Турусина, дом которой не случайно, видимо, находится недалеко от Преображенской больницы, где был помещен Иван Яковлевич, говорит: «Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, все думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем: съездила, спросила и покойна».

Иван Яковлевич иронически упоминается в пьесе Островского «Женитьба Бальзаминова» (1861): «...Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться; а мы такое важное дело да без совета сделаем!» (реплика Бальзаминовой).

У Островского, как и у многих его современников, очевидно негативное отношение не столько к самому Корейше, сколько к его почитателям.

Ф. М. Достоевский впервые Корейшу упоминает в 1859 году в повести «Село Степанчиково и его обитатели» как лицо нарицательное. При характеристике Фомы Фомича Опискина в начале повести имя юродивого упоминается в крайне пренебрежительном контексте как синоним невежества и шарлатанства: «Генеральша питала к нему [Фоме Опискину] какое-то мистическое уважение, – за что? – неизвестно. Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияние различных иван-яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц».

Как видим, писатели плохо воспринимали прежде всего публику, посещавшую Ивана Яковлевича и вопрошавшую его часто совсем не о духовном, а о чисто бытовых нуждах. Нужно сказать, что Иван Яковлевич, действительно, помогал многим в их бытовых делах. Но это совсем не является признаком бездуховности святого.

В романе «Бесы» Достоевский поместил Ивана Яковлевича под видом Семёна Яковлевича. Сведения для описания Семёна Яковлевича автором взяты из книг И. Г. Прыжова «Житие Ивана Яковлевича» и «26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков». Достоевский значительно облагородил внешний облик своего персонажа. : ясно, что он ориентируется не на натуралистическое и злобное по духу описание Прыжова, а на тот портрет-рисунок, который можно найти на обложке книги А. Ф. Киреева, правда, представляет его в несколько карикатурном виде: «Это был довольно большой, одутловатый, желтый лицом человек, лет пятидесяти пяти, белокурый и лысый, с жидкими волосами, бривший бороду, с раздутою правую щекой и как бы несколько перекосившимся ртом, с большою

бородавкой близ правой ноздри, с узенькими глазками и спокойным, солидным, заспанным выражением лица». Этот портрет в виде надгробной фотографии и ныне можно видеть на могиле Ивана Яковлевича у московского храма пророка Илии в Черкизове.

Вторым источником для написания образа Семёна Яковлевича комментаторы Достоевского указывают (со ссылкой на слова А. Г. Достоевской) «посещение им известного московского юродивого Ивана Яковлевича Корейши». Когда писатель навестил Корейшу, до или после ссылки, неизвестно. Работа над романом «Бесы» началась десятилетие спустя, в 1870 году. Увеселительная поездка местного «общества» и сцена с юродивым Семёном Яковлевичем были набросаны писателем одними из первых. Сцена занимает весь второй раздел пятой главы романа «Перед праздником». Смысл сцены – характеризовать «развлечения» представителей губернского общества. Более подробного и более саркастического описания юродивого в русской литературе не встречается.

Среди героев Достоевского немало персонажей имеют черты блаженных и юродивых. В лице Семёна Яковлевича эти черты сгущены до предела и окарикатурены. Перед читателем предстаёт не юродивый, а шарлатан, здравый человек, играющий на доверчивости своих поклонников. Более подробного и более саркастического описания юродивого в русской литературе не встречается.

В 1860-е годы формируется литературная модель Ивана Яковлевича. В соответствии с этой моделью построен образ Ивана Яковлевича у Н. С. Лескова. Его святочный рассказ «Маленькая ошибка» весь построен на обыгрывании образа Ивана Яковлевича и на создании своего рода эффекта неожиданности. В рассказе отсутствует реальная биография Ивана Яковлевича или хотя бы пояснение о том, что это за личность: рассказ о нем начинается сразу как о каком-то хорошо всем знакомом человеке: «Дядюшка и тетушка мои одинаково прилежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу». Поскольку рассказ имеет подзаголовок «Секрет одной московской фамилии», то как бы само собой разумеется, что все читающие москвичи сразу угадают о ком идет речь.

Сюжет рассказа состоит в том, что в семействе, приверженном к советам Ивана Яковлевича, происходит грех и недоразумение. Родители двух дочерей решают обратиться к юродивому, чтобы старшей, замужней и бездетной «рабе Капитолине отверзть ложесна», а её мужу «рабу Ларии усугубити веру». В результате вместо Капитолины беременеет незамужняя Екатерина. Огорчённый отец желает поколотить палкой неадекватного пророка, не верит в «непорочное зачатие» дочери и её мать. Источник забавного недоразумения – сами родители, перепутавшие в записке «Капитолину» с «Екатериной», а чудотворец попросту не вникал в чужие семейные неурядицы. Первая – чисто реальная и житейски объяснимая: грех Екатерины Никитишны. Вторая, которую автор подает безо всяких комментариев, – «маленькая ошибка» якобы Ивана Яковлевича и в то же время матери обеих дочерей, которая вместо старшей Капитолины подала в просительной записке для молитвы. Смысл рассказа в том, что дарование юродивого старца слепо и подвержено обычным человеческим «маленьким ошибкам», а значит, не содержит в себе ничего по-настоящему святого.

У М. Е. Салтыкова-Щедрина, а «знаменитый юродивый Парамоша» из «Истории одного города» – собирательный образ, имевший по указанию Б. М. Эйхенбаума прототипами помимо самого Ивана Яковлевича еще ряд известных религиозных лиц того времени.

Одним из тех посетителей Ивана Яковлевича, кто мог бы духовно прилежать, по выражению Лескова, к московскому пророку, был Н. В. Гоголь. За три недели до своей смерти в феврале 1852 года приезжал в Преображенскую больницу, постоял какое-то время в нерешительности на морозе перед больничными дверями, но так и не решился зайти к юродивому и вскоре уехал.

Имя юродивого вошло в литературный и публицистический обиход и широко использовалось в качестве синонима либо шарлатанства, либо невменяемости. Что касается бессвязности его речи, то светские писатели XIX века, вовсе не имевшие опыта общения с юродивыми и не умевшими, конечно, различать истинное Христа ради юродство от юродства ложного, не были готовы к адекватному и духовному восприятию не всегда понятных, с обычной, рационально-житейской точки зрения, речей Ивана Яковлевича. От их взгляда ускользал духовный смысл его ответов, выраженных не напрямую, а иносказательно.

Образ Корейши оказался настолько притягательным для писателей, что интерес к блаженному не угас и в XX веке. И. А. Бунин в «Чаше жизни» выводит юродивого Яшу, явно списанного с Корейши. Б. А. Пильняк начинает повесть «Красное дерево» с описания Ивана Яковлевича Корейши, ссылаясь на ряд источников. Вышедшие в 2001 году повесть А. Ф. Иоффе «Акула» с главным героем по имени Корейша и киносценарий О. Нагдасовой «Московский чудотворец, юродивый Иван Яковлевич Корейша» свидетельствуют о литературном бессмертии Ивана Яковлевича. Сегодня можно составить своеобразную «иконографию» этого человека в русской литературе.

ДИСКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА ДАРЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ МАРТЫНОВОЙ

Евгения Евгеньевна Жуковская, г. Москва, модератор конференции: Наши великие писатели смеялись не над Иоанном Яковлевичем, а над проявлением вот этой суетной ненастоящей веры, религиозности. В народе было непререкаемое почитание Иоанна Яковлевича, он был символом того времени. Все эти люди не шли в храм, а бежали к нему. Писатели высмеивали не его, а порок общества. И, собственно, Иоанн Яковлевич тоже пытался общество вернуть к истинной религиозности, ко Христу. И, поэтому, общество его тоже то принимало, то не принимало.

Дарья Александровна Мартынова: Да, это все верно, действительно. Но все равно они его высмеивали. В целом, я еще раз повторюсь, писатели: Достоевский, Лесков, Толстой, Салтыков-Щедрин негативно к нему относились. Именно в целом.